

УДК 34.023

К. А. Орлова

К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ ПОНЯТИЯ «СУБЪЕКТ ПРАВА»

Проводится анализ подходов к разработке понятия «субъект права». Рассмотрены разные точки зрения в отношении определения сходства или различий категорий «субъект права», «субъект правоотношения» и «лица, обладающие правосубъектностью». Сделан вывод, что категории «субъект права» необходимо разрабатывать в контексте междисциплинарных исследований.

This article analyses approaches to developing the concept of the 'subject of law'. The author considers different perspectives on identifying similarities and differences between the categories of the 'subject of law', 'subject of a legal relationship', and 'personal with legal personality'. It is concluded that the category of 'subject of law' should be developed in the context of interdisciplinary studies.

Ключевые слова: субъект права, субъект правоотношения, правовые нормы, правосубъектность.

Key words: subject of law, subject of legal relationship, precepts of law, legal personality.

В юридической науке вопрос о субъекте права остается не до конца разрешенным, поскольку проблема его разрешения связана с непрекращающимися дискуссиями о понятии права; теоретические разработки позитивистской концепции при этом не согласуются с другими подходами (естественно-правовым, социологическим, антропологическим, коммуникативным и т. д.).

В соответствии с первой концепцией понятие «субъект права» неразрывно связывается с правовыми нормами и правосубъектностью. Так, А. В. Малько под субъектом права понимает лицо (физическое или юридическое), государство, государственное или муниципальное образование, обладающие по закону способностью иметь и осуществлять непосредственно или через представителя права и юридические обязанности (то есть правосубъектностью) [1, с. 532]. С. С. Алексеев пишет о том, что юридические нормы образуют обязательную основу для того, чтобы индивиды, организации, общественные образования могли выступать как субъекты права; определяет субъектов права в качестве лиц, обладающих правосубъектностью. По его мнению, выражения «субъект права» и «лица, обладающие правосубъектностью» совпадают [2, с. 712]. Аналогичные высказывания можно встретить в большинстве работ [3, с. 32–34].

Основные споры ведутся в отношении определения сходства или различий категорий «субъект права» и «субъект правоотношения». Так, с позиций одних авторов, субъект права — это лицо, потенциально (вообще) способное быть участником правоотношений, а субъект право-

отношения — это реальный участник данных правовых отношений [3, с. 35–36]. Другие утверждают, что понятия «субъект права» и «субъект правоотношения» тождественны, равнозначны и в научной литературе часто используются в качестве синонимов (А.Ф. Черданцев [4, с. 292], Н. И. Матузов, А. В. Малько [5, с. 178], М. И. Марченко [6, с. 591], Е. М. Дерябина [7, с. 416]).

Таким образом, в соответствии с позитивистским подходом выделяются следующие признаки субъекта права: а) признание его таковым в нормативно-правовых актах; б) наличие правосубъектности. По поводу соотношения понятий «субъект права» и «субъект правоотношения» надо отметить, что с теоретической точки зрения следует согласиться со сторонниками их разграничения, так как определения права и правоотношения не совпадают, право не может сводиться только к правоотношениям, которые являются лишь одним из его структурных элементов. Но в практическом плане указанные категории целесообразно использовать как тождественные, поскольку их различие не имеет никакого значения в плане правового наделения, осуществления прав и обязанностей, наступления правовых последствий.

Критикуя позитивистов, представители, прежде всего, естественно-правового подхода, отмечают, что позитивизм настолько глубоко проник в научное правосознание, так его деформировал, что уже поколения российских правоведов не могут иначе воспринимать субъект права, как только в качестве элемента состава правоотношения. Такое восприятие субъекта права очень точно передает отношение отечественной юриспруденции к правовой личности. Здесь «холодная безучастность юридического позитивизма к проблеме субъекта права смешивается с презрительно-снисходительным взглядом на человека как субъекта права со стороны приверженцев правового большевизма» [8, с. 10].

Соответственно, приоритет отдается личности, которая воспринимается в качестве истинного источника права, создателя правовых идей, величайшей правовой ценности. На основании чего система права рассматривается как система субъектов и их взаимосвязей (субъектно-коммуникативная), констатируется, что нормы права выполняют в ней лишь служебную роль, выступая элементом правовой коммуникации, обеспечивая взаимосвязь между субъектами права. При рассмотрении права как целостной, самоуправляемой системы утверждается, что оно предполагает наличие собственного субъекта. Ни норма, ни правоотношение, ни акт применения, реализации права и тому подобные элементы не могут выступать в качестве внутреннего управляющего звена системы права. Таким звеном может быть только субъект права, представляя собой совокупность заключенных в специальную юридическую форму (в форму юридического лица или индивида) правовых качеств человека. Право не существует без субъекта, «оно представляет собою его творение, созданный им, его волей мир» [8, с. 8–9].

Вполне закономерным продолжением стало использование термина «правовой субъект» на основе разделения понятий «право» и «закон». Так, правовые нормы, правовые отношения, весь правопорядок — это субъект, взятый с его внешней стороны; право принадлежит не самому себе, оно принадлежит правовому субъекту, это его «собственность» [8,

с. 9]. В такой трактовке правовой субъект — высшая ценность, носитель прав и обязанностей, регламентирование которых обеспечивается справедливыми, нравственными нормами.

Таким образом, право — это творение субъекта, который воспринимается как единственная реальность. На основании этого конструируется модель, в соответствии с которой некие добропорядочные, честные, заботящиеся об общем благе, высоконравственные люди на основе правового общения и правовой коммуникации принимают и реализовывают правовые предписания. Но при этом за рамками исследований остаются несовершенство человеческой природы и деятельности, сложность и противоречивость социальной жизни, в том числе состояние экономики, политические реалии, которые, собственно, и определяют объем, содержание, фактическое воплощение и осуществление прав и обязанностей субъектов.

Стремление преодолеть позитивистскую, или естественно-правовую, трактовку понятия «субъект права» просматривается в попытках создания интегративной модели правопонимания, которая представляет собой сочетание позитивизма с естественно-правовой теорией и социологией права [9, с. 4–11]. Но анализ работ по этому направлению приводит к неутешительным выводам. Так, практически все авторы признают необходимость разработки теории субъекта права в рамках некой новой научной парадигмы, и в результате, по справедливому замечанию И.Ю. Козлихина, все интегративные теории тяготеют к одному из двух базовых типов правопонимания [10, с. 243], обладают «отчетливо выраженным качеством неполноты, нецелостности, неполноценности» [11, с. 235].

В целом критика интегративных концепций заключается в том, что синтез возможен в рамках одного типа правопонимания, где представления о социальном предназначении права являются идентичными [12, с. 175], любая концепция права в определенной мере интегративна, поскольку каждая новая теория пытается восполнить пробелы предыдущей [11, с. 236]. В конечном счете, вопрос о понимании права — это вопрос о том, какие правила поведения могут устанавливаться и поддерживаться в качестве общеобязательных, поэтому интегративные концепции либо сводятся к отрицанию самой возможности предложить универсальное определение права и единую методологию его исследования, либо оказываются социолого-позитивистскими конструкциями [13].

Вместе с тем есть смысл говорить об интегративной теории субъекта права. В частности, с помощью различных положений теории естественного права устанавливаются конституционные нормы относительно неотчуждаемых, основных прав и свобод человека, обеспечивается их приоритет, гарантированность согласно общепризнанным принципам и нормам международного права; правила поведения, права, обязанности могут содержаться в различных нормативах (законах, судебных решениях, договорах, обычаях) и т. д.

В настоящее время задача все же состоит не в том, чтобы противопоставлять позитивизм и теорию естественного права или доказывать их сближение (последнее и так происходит), а в том, чтобы обеспечить необходимое равновесие социальной системы. Например, в большинстве исследований почти хрестоматийным стало утверждение о том,

что современное российское нормативное понимание права под влиянием конституционных положений о приоритете прав человека и гражданина признает верховенство прав над обязанностями и необходимость нормативного закрепления первых, что становится основой правоприменения [14, с. 159]. Вероятно, с учетом советского прошлого это можно назвать достижением на определенном этапе развития, однако, как показывает современная практика, устанавливаемые приоритеты должны не только обеспечиваться, но и учитывать интересы других субъектов, общества и государства в целом.

В частности, существовавшее в конце XX века в России отношение к праву как бытию свободной воли (В.С. Нерсесянц), а также принятие других либеральных ценностей привело к закреплению ничем не ограниченной свободы договора, ничем не ограниченного права на обжалование судебных решений в гражданском, гражданско-процессуальном, арбитражно-процессуальном, уголовно-процессуальных кодексах. Это породило негативные последствия (многочисленным нарушениям прав потребителей, бесконечным столкновениям, конфликтам интересов, увеличению количества рассматриваемых дел и загруженности судей и т.д.), что спустя десятилетия привело к введению нормативного запрета на злоупотребление правом в ГК РФ, АПК РФ и ГПК РФ и разработке аналогичных положений в области уголовно-процессуальной деятельности.

В заключение надо отметить, что интегративный подход к разработке теории субъектов права должен учитывать несколько моментов.

1. Категорию «субъект права» необходимо разрабатывать в контексте междисциплинарных исследований, в том числе для юриспруденции несомненна значимость философских, социологических, политологических, культурологических, экономических и других исследований. В частности, под влиянием идеи интерсубъективности сформировались и развились коммуникативные и герменевтические теории права, например коммуникативная теория права А.В. Полякова.

2. Постмодернистские теории, хотя и отрицают объективность, рациональность научного знания, а сам объект познания не мыслят вне познающего субъекта, тем не менее в значительной мере способствуют созданию социально ориентированных правовых конструкций, направлены на обнаружение, осмысление новых правовых феноменов (например, трансплантация органов, клонирование, эвтаназия, генная инженерия и т.д.) [15, с. 31]. По сути, постмодернизм — это ситуация динамики, предполагающая, что изменения в нормах коммуникации оказывают влияние на восприятие права, правоприменительную практику.

3. Выбор методологии представляет значительные трудности, при этом надо учитывать новые направления. В частности, представляет интерес антропологический подход, который пока еще только начинает формироваться в юриспруденции. Так, в ряде работ В.И. Павлов обосновывает, что возможен переход от субъекта права к правовой субъективности с помощью категории «правовой человек». Но, соглашаясь с мнением автора, что субъект права — это чисто нормативное образование, все же надо признать, что его конструкции «правового

человека» и «правовой субъективности» в целом пока не дают основания утверждать, что они принципиально отличаются от разработанных в теории права представлений о правосознании, правовой культуре, правовой реальности [16, с. 47–55]. Однако использование антропологического подхода следует признать плодотворным, поскольку он позволяет учитывать особенности субъектов в плане биологического и социального контекста.

Список литературы

1. *Большой юридический словарь* / под ред. А. В. Малько. М., 2010.
2. *Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования*. М., 1999.
3. *Бойцов В. Я. Система субъектов советского государственного права*. Уфа, 1972.
4. *Черданцев А. Ф. Теория государства и права*. М., 2002.
5. *Теория государства и права : курс лекций* / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2000.
6. *Марченко М. Н. Теория государства и права*. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004.
7. *Марченко М. Н., Дерябина Е. М. Правоведение : учебник*. М., 2004.
8. *Архипов С. И. Субъект права: теоретическое исследование : автореф. дис. ... д-ра юр. наук*. Екатеринбург, 2005.
9. *Ромашиов Р. А. Реалистический позитивизм: современный тип интегративного правопонимания* // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. №1. С. 73–81.
10. *Козлихин И. Ю. Интегральная юриспруденция: дискуссионные вопросы* // Философия права в России: история и современность : материалы Третьих философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсисянца. М., 2009. С. 46–54.
11. *Поляков А. В. Интегральная теория: миф или реальность?* // Философия права в России: история и современность : материалы Третьих философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсисянца. М., 2009. С. 104–112.
12. *Оль П. А. Правопонимание: от плюрализма к двуединству*. СПб., 2005.
13. *Варламова Н. В. Российская теория права в поисках парадигмы* // Журнал российского права. 2009 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
14. *Скоробогатов А. В. Современные концепции правопонимания : учеб.-практ. пособие*. Казань, 2010.
15. *Козлачкова Е. А. Физическое лицо как субъект права : автореф. дис. ... канд. юр. наук*. М., 2014.
16. *Павлов В. И. От классической к неклассической картине правовой реальности: новая парадигма юридического мышления* // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. Минск, 2011. Вып. 6. С. 98–110.

Об авторе

Ксения Александровна Орлова — ведущий юрисконсульт, Калининградская железная дорога — филиал ОАО «Российские железные дороги».

E-mail: activia2007@mail.ru

About the author

Kseniya Orlova, Legal Adviser, Kaliningrad branch of Russian Railways, Kaliningrad.

E-mail: activia2007@mail.ru